

© Ерёмин Д.П.¹

Евро-атлантическая интеграция и проблема двухсторонних отношений с РФ во внешней политике Боснии и Герцеговины

Аннотация. В статье рассматривается внешняя политика Боснии и Герцеговины (БиГ) с момента подписания Дейтонских соглашений (1995) по настоящее время. Автор полагает, что созданная Дейтонскими соглашениями сложная государственная система обеспечила территориальную целостность послевоенной БиГ в условиях отсутствия межнационального консенсуса. Особый акцент в исследовании сделан на проблеме евро-атлантической интеграции страны и динамике развития двухсторонних отношений БиГ с Россией. Международное сообщество, представленное Руководящим комитетом Совета по выполнению мирного соглашения (РК СВМС), исходило из концепции «институционального миростроительства», т.е. рассчитывало, что национальные противоречия могут быть преодолены путем создания функциональных государственных институтов. Данный расчет не оправдался, и деятельность Администрации Высокого представителя (АВП) не способствовала национальному примирению, а, скорее, усугубляла национальные разногласия и со временем стала противоречить интересам народов БиГ. Инициированный АВП процесс государственного реформирования не учитывал интересы национальных общин в равной степени, так как направлял процесс государственного строительства в сторону формирования унитарной политической системы. В этих условиях кол-

---

¹ Ерёмин Денис Павлович – младший научный сотрудник, Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований, ИЕ РАН; eremindp1994@gmail.com

лективный Президиум, наделенный полномочиями определять внешнеполитический курс страны, не смог сформулировать однозначную позицию ни по одной значимой проблеме внешней политики, в том числе по таким вопросам, как условия членства страны в ЕС, вступление в НАТО, выстраивание отношений с Россией. Это объясняется стремлением основных политических сил боснийских мусульман добиваться централизации БиГ при ее одновременной евро-атлантической интеграции, тогда как для хорватской общины принципиально важно отстоять свое положение конституционного народа БиГ, а для боснийских сербов, – как минимум, сохранить полномочия Республики Сербской. Для сербов Балканского региона тот вариант решения «сербского вопроса», который предлагают Вашингтон и Брюссель, неприемлем, и именно этим были обусловлены столкновения сербских политических сил БиГ с боиняцкими партиями по вопросу изменения Дейтонского *status-quo*, на фоне которых происходило постепенное углубление тесных связей Республики Сербской с Россией как государством-гарантом Дейтонских соглашений. Исследование проведено с использованием материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АрВП РФ). Методологическую основу работы составляет проблемно-хронологический метод при соблюдении принципа историзма.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, внешняя политика, европейская интеграция, Россия, ЕС, НАТО.

Фундамент современной боснийско-герцеговинской государственности был заложен Дейтонскими соглашениями 1995 г., гуманитарное значение которых невозможно переоценить, так как они положили конец вооруженному противостоянию трех народов, проживающих на территории Боснии и Герцеговины (БиГ). Этот документ имел противоречивый характер: соглашения не удовлетворяли основные требования национальных общин и в то же время не были итогом полноценного компромисса. Их подписание было результатом внешнего давления США при поддержке стран ЕС и России на все стороны конфликта. Следствием подписания Дейтонских соглашений стало доминирование этноконфессионального фактора в политической жизни «дейтонской» БиГ.

Институциональные ограничения внешней политики БиГ

Международные акторы, вовлеченные в процесс урегулирования боснийско-герцеговинского кризиса, следовали принципам институционального миростроительства, ставшего основной стра-

тегией послевоенного государственного строительства в БиГ. Среди стран – гарантов Дейтонских соглашений господствовало убеждение, что национальные противоречия можно преодолеть путем создания функциональных государственных институтов.

Как показала вся история БиГ после войны 1992–1995 гг., данный подход был ошибочным, что подтверждалось полной неспособностью государственных органов власти, на которые возлагало надежды международное сообщество. Согласно Статьям III и V «дейтонской» конституции Боснии и Герцеговины, выработка внешнеполитической линии БиГ находится в компетенции центральных органов власти страны, точнее – в компетенции коллегиального Президиума [General framework … , 1995]. Непосредственная реализация внешней политики возложена на МИД БиГ, а также Совет министров страны. При формировании Совета министров соблюдается принцип национального представительства. Штат МИДа также формируется на основе принципов национальной и партийной принадлежности [Bosnia and Herzegovina's foreign … , 2019, р. 10].

Несмотря на то что внешняя политика страны находится в ведении преимущественно общегосударственных институтов, согласно Статье III (п. 2), энтитеты (образования, входящие в состав БиГ, – Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская) также могут заключать соглашения с государствами и международными организациями при условии одобрения Скупщиной (парламентом БиГ) [General framework … , 1995]. Таким образом, закрепление международных связей энтитетов также зависит от межобщинного консенсуса.

Из-за взаимного недоверия, проявляемого как национальными общинами, так и их политическими элитами, избираемые члены Президиума БиГ от каждой из трех национальных общин (обладающие правом вето), как правило, не могли сформировать единый подход к проведению внешней политики БиГ. Наличие общих институтов не могло гарантировать полноценного функционирования государства при отсутствии общегражданского примирения, и именно по этой причине внешние акторы все больше вовлекались во внутриполитические процессы БиГ.

Присутствие в системе управления государством внегеографических игроков и их структур, таких как Администрация Высокого

представителя (АВП) и Совет по выполнению Мирного соглашения (СВМС), значительно ограничило возможности центральных органов власти по самостоятельному определению внешней политики страны. Существование наднациональной структуры управления стало причиной того, что БиГ рассматривается как государство с ограниченным суверенитетом, т.е. является скорее объектом, а не субъектом международных отношений (см. напр.: [Пономарева, 2011, с. 64–76]). Действительно, сложно не согласиться с утверждением, что «дейтонская» БиГ не является суверенным государством. Однако представление о Боснии и Герцеговине лишь как объекте международных отношений – это чрезмерное упрощение действительности. Политические элиты каждой из национальных общин пытались использовать вовлеченность международных игроков во внутренние дела страны в своих интересах, т.е. проводили и продолжают проводить собственную «внешнюю политику».

Таким образом, о существовании внешнеполитической линии БиГ можно говорить лишь с рядом оговорок: во-первых, она является результатом компромиссов и внутриполитического торга элит национальных общин; во-вторых, на внутриполитические процессы БиГ существенно воздействуют «материнские» государства соответствующих этнокультурных групп (Сербия и Хорватия), что оказывает непосредственное влияние на региональную политику [Кудряшова, Мелешкина, 2021, с. 145]; в-третьих, внешняя политика страны, как и вся ее политическая жизнь, подвергается значительному давлению со стороны ведущих международных акторов.

«Западный вектор» внешней политики БиГ

В политикуме БиГ существует несколько подходов к формированию внешнеполитической линии (подробнее см.: [Bosnia and Herzegovina's foreign ... , 2019, р. 5–6]). Согласно одному из них, внешняя политика страны должна иметь целостный и сбалансированный характер; поэтому отношениям со странами региона, а также с ЕС и НАТО придается равнозначный характер (подход «интернационалистов»). Альтернативный подход основан на безусловном приоритете евро-атлантической интеграции БиГ; поэтому иные направления внешней политики рассматриваются в качестве подчиненных по отношению к данной стратегической цели

(подход «регионалистов»). С точки зрения сторонников этой концепции, именно евроинтеграция призвана обеспечить политическое и экономическое развитие страны, а присоединение к Североатлантическому альянсу рассматривается в качестве минимально необходимой гарантии безопасности и государственной стабильности. Существует также подход, приверженцы которого полагают, что вовлеченность БиГ в международные отношения стимулирует дезинтеграционные процессы в стране и несет угрозу внутриполитической стабильности, а стремление к тем или иным формам интеграции в конечном счете подрывает суверенитет БиГ (подход «изоляционистов»).

Влиятельные национальные партии, занимающие прочные позиции на политической сцене БиГ, представлены в обоих энтигетах. Необходимо отметить, что в Федерации БиГ преобладают мусульманские (бошняцкие)¹ и хорватские партии; среди них давляющее число голосов в рамках избирательных кампаний, как правило, набирают Партия демократического действия (ПДД) и Хорватское демократическое содружество БиГ (ХДС БиГ). Соответственно в Республике Сербской (РС) превалируют сербские национальные партии; самые влиятельные из них – Сербская демократическая партия (СДП) и Союз независимых социал-демократов (СНСД). Таким образом, национальные предпочтения и сегодня остаются определяющим фактором в политической жизни страны, о чем свидетельствует распределение голосов избирателей, соответствующее национальной структуре БиГ и ее энтигетов. «Регионализм» в большей степени присущ ведущим бошняцким и хорватским партиям, а «интернационализм» – сербским: во многом это объясняется тем, что именно сербские партии изначально находились под сильным давлением со стороны США, ЕС и АВП. «Изоляционизм» как концепция не имеет поддержки среди основных политических партий страны.

В любом случае, несмотря на наличие в БиГ различных подходов к проведению внешней политики, взаимодействие с США и странами Евросоюза – гарантами Дейтонских соглашений и территориальной целостности государства – имеет критическую значи-

---

¹ В данном случае слово «мусульманин», или «мусульманин-бошняк», – этноним, а не конфессионим. – Прим. ред.

мость для страны. Соответственно, вопросы государственного устройства БиГ и по сей день рассматриваются не только в свяжке с ее внутренними проблемами, но и в контексте взаимоотношений национальных общин с внешними акторами. Мусульманская община еще со времен конфликта середины 1990-х годов добивается преобразования бывшей югославской республики в унитарное государство, тогда как сербская и хорватская общины стремятся к воссоединению со своими национальными государствами (СРЮ / Республикой Сербией и Хорватией соответственно).

Таким образом, можно констатировать, что подходы политических элит национальных общин к взаимодействию с США и ЕС остаются практически неизменными со времени объявления независимости БиГ. Руководство боснийских мусульман, изначально ориентировавшееся на западную поддержку, в качестве основного внешнеполитического ориентира избрало евро-атлантическую интеграцию (по этому вопросу среди большинства наиболее влиятельных политических партий боснийских мусульман существует определенный консенсус). Поэтому «международное сообщество», решая вопросы реформирования политической системы БиГ, фактически стало действовать в интересах бошняцкой общины, несмотря на то, что БиГ была признана как полигэтничное государство, а не как государство боснийских мусульман [Мартынова, 1998, с. 199].

Долгое время вопрос о евроинтеграции оставался предметом общегосударственного консенсуса, и возможность вступления БиГ в ЕС положительно оценивали как в Федерации БиГ, так и в Республике Сербской. В 2019 г. в пользу евроинтеграции высказывалось большинство как боснийских мусульман (88%) и хорватов (75%), так и сербов (54%) [Public opinion ..., 2019, p. 10]. Высокий уровень поддержки евроинтеграции во многом объяснялся тем, что именно страны Евросоюза обеспечивали послевоенное восстановление страны и только ЕС предлагал программу ее комплексной модернизации [Энтина, 2016, с. 9].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что комплексная поддержка боснийско-герцеговинской государственности «международному сообществу» определялась не гуманитарными, а практическими соображениями. Во-первых, уже с первых послевоенных лет европейские страны рассчитывали использовать в собственных интересах финансовую помощь, которую обеспечивали междуна-

родные структуры и государства-доноры, – посредством расширения деятельности в БиГ своих компаний, банков и фирм, поддержку которым оказывали аккредитованные в стране дипломатические миссии и разведывательные структуры национальных контингентов СВМС¹. Во-вторых, западная поддержка не являлась безусловной и сопровождалась требованиями политического характера, т.е. использовалась в качестве инструмента давления. Показательно, что в 1996 г. Республика Сербская (политические элиты которой стремились добиться максимального обоснления сербского энтитета) получила лишь 2,5% от всего объема международной помощи².

Стремлением бошняцкой элиты добиться преобразования «дейтонской» БиГ в унитарное государство за счет использования политических средств (что соответствовало интересам Вашингтона и Брюсселя) объясняется напряженный характер отношений политической элиты Республики Сербской с представителями «международного сообщества» в послевоенные годы. Стремление же сербской общины БиГ отстаивать свой конституционный статус и полномочия РС в рамках единого государства не согласовывалось с планами США и ЕС. Именно поэтому вряд ли было возможно сформировать единую внешнеполитическую линию БиГ. Сербская элита не отрицала преимущества и экономические перспективы потенциальной евроинтеграции, однако ни сербские политики, ни сербское население страны не были готовы платить за нее ограничением или, тем более, ликвидацией автономных прав РС. Еще более однозначным было отношение боснийских сербов к вероятному членству БиГ в НАТО: для сербской стороны вступление страны в Североатлантический альянс было совершенно неприемлемо, и сербские должностные лица в общегосударственных органах власти и по сей день отстаивают нейтралитет БиГ [Dodik : vojna ..., 2019].

Отдельного внимания заслуживает позиция хорватской общины в вопросе о взаимоотношениях с США и ЕС. Боснийские хорваты никогда не были противниками евро-атлантической инте-

---

¹ АрВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 89. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 15.04.1996 г.).

² АрВП РФ. Ф. 933. ОП. 2. Д. 2. П. 2. Л. 175. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 16.04.1997 г.).

грации, однако хорватская община, как и сербская, не готова поступиться той степенью автономии, которой она обладает в БиГ. С момента подписания сначала Вашингтонских (1994), а затем Дейтонских соглашений краеугольным камнем, с одной стороны, хорвато-мусульманских отношений, с другой – отношений хорватского истеблишмента БиГ со странами – гарантами Дейтонских соглашений (прежде всего – с США и странами ЕС), оставался вопрос о положении хорватской общины в Федерации БиГ (мусульмано-хорватский энтитет) и в Боснии и Герцеговине в целом. Красноречивым свидетельством расхождений во мнениях по данному вопросу был ход переговоров о формировании органов власти Федерации БиГ в первые послевоенные годы: хорваты выступали за перенос на Федерацию БиГ полномочий и с уровня БиГ, и с уровня Хорватской Республики Герцег-Босны (ХРГБ)¹, тогда как бошняцкая сторона добивалась безоговорочной ликвидации ХРГБ и передачи максимально возможного объема полномочий центральным органам власти². По оценкам российских дипломатов, единственным фактором, обеспечившим становление Федерации БиГ как мусульмано-хорватского энтитета, стало давление «международного сообщества» на обе стороны³; существование параллельных национальных структур власти было окончательно ликвидировано только в 1998 г.

Соответственно, даже несмотря на наличие определенного консенсуса среди национальных общин относительно евроинтеграции БиГ, продвижение данной темы оказывается тесно связано с внутриполитической повесткой, точнее – с проблемами государственного строительства, обсуждению которых препятствует нерешенный национальный вопрос. В этих условиях выполнение

---

¹ Полития, образованная в ходе Боснийской войны 1992–1995 гг. по инициативе ХДС БиГ на территориях со значительной долей хорватского населения. Упразднена после подписания Вашингтонского и Дейтонского соглашений.

² АрВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 17. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 10.08.1996 г.).

³ АрВП РФ. Ф. 933. ОП. 2. Д. 4. П. 2. Л. 122, 123. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. К вопросу о проблемах в Федерации БиГ. 03.11.1997 г.).

⁴ АрВП РФ. Ф. 933. ОП. 3. Д. 3. П. 4. Л. 190. (Посольство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 17.04.1998 г.).

одного из требований ЕС – проведение конституционной реформы, обеспечивающей хотя бы частичное «размытие» этнических барьеров, – малореально, так как «государствообразующие народы» и представляющие эти народы основные национальные партии (ПДД, ХДС БиГ, СНСД, СДП) имеют совершенно различное представление о целях подобной реформы: сербы отстаивают свое право на самоопределение, бошняки говорят о необходимости централизации, а хорваты – о возможности создать третий энтитет [Кудряшова, Мелешкина, 2021, с. 139–140].

Показательно, что первый доктринальный документ, обрисовывающий базовые принципы внешнеполитического курса БиГ, – «Общие направления и приоритеты внешней политики Боснии и Герцеговины» [Osnovni pravci … , 2003], – был принят только в марте 2003 г.¹ под нажимом АВП, оказавшей значительное давление на Сербскую демократическую партию (которая до начала 2000-х годов была ведущей сербской партией, отстаивающей автономию РС), в результате чего член Президиума БиГ от сербского народа М. Шарович был вынужден уйти в отставку [Энгельгардт, 2015, с. 213]. Данная концепция внешней политики была дополнена «Стратегией внешней политики Боснии и Герцеговины 2018–2023 гг.» [Strategija … , 2018] в 2018 г., когда сербскую общину в Президиуме БиГ представлял М. Иванич, кандидат от Партии демократического прогресса, также пользующийся поддержкой СДП. М. Иванич – более «умеренная» политическая фигура; он в большей степени готов идти на компромиссы с политиками бошняцкой и хорватской общин, нежели его основной конкурент Ж. Цвиянович (кандидат от СНСД, которого М. Иванич опередил с минимальным отрывом в ходе избирательной кампании) [Đurić, 2022].

Если доктринальный документ 2003 г. прямо обозначал в качестве внешнеполитического приоритета евро-атлантическую интеграцию [Osnovni pravci … , 2003], то в «Стратегии» 2018 г. говорилось о евроинтеграции БиГ «при развитии структурного сотрудничества с НАТО» [Strategija … , 2018]. Таким образом, при-

---

¹ То есть два года спустя после упразднения «Хорватского самоуправления», формирование которого представляло собой демарш хорватских политических сил против действий «международного сообщества» в БиГ (подробнее см.: [Ерёмин, 2021]).

нятие доктринальных внешнеполитических документов БиГ про-исходило либо в условиях чрезвычайного давления на ведущую политическую силу сербской общины (СДП в 2003 г.), либо во время нахождения в центральных органах власти БиГ «компромиссных» сербских политиков (М. Иванич в Президиуме БиГ в 2018 г.), поэтому формально закрепленный доктринальными до-кументами внешнеполитический курс страны в целом не является основой для принятия решений в сфере международных отноше-ний. Показательно, что Президиум БиГ не смог согласовать пози-цию государства ни по одному острому вопросу внешнеполитиче-ской повестки, в числе которых – признание независимости «Республики Косово», кризис в Грузии 2008 г., гражданская война в Сирии 2011 г., палестино-израильский конфликт 2014 г., воору-женный конфликт на юго-востоке Украины 2014 г. [Medunjanin, 2014]. К настоящему моменту Президиум БиГ не смог выработать единую позицию по вопросам, касающимся СВО РФ на Украине и санкционной политики в отношении России.

Тем не менее ориентация на сотрудничество с международ-ными организациями, обозначенная в вышеупомянутых докумен-тах, не является декларативной. Еще во время острой фазы бос-нийско-герцеговинского кризиса Босния стала членом ООН, присоединилась к деятельности ОБСЕ, Центральноевропейской инициативе, в 1995 г. присоединилась к Инициативе по сотрудниче-ству в Юго-Восточной Европе, с 1999 г. БиГ является участницей Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, с 2000 г. – участ-ницей Адриатико-Ионической инициативы, в 2001 г. присоедини-лась к инициативе «Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе». В 2002 г. БиГ была принята в Совет Европы, с 2003 г. является участницей региональной инициативы по вопросам миграции, убежища и беженцев, с 2004 г. входит в состав Международной комиссии по бассейну реки Сава [Sahadžić, 2011, s. 577–584]. Соответственно, БиГ – участница целого ряда между-народных организаций и проектов, инициированных Евросоюзом. Тем самым она вовлекается в евроинтеграционный процесс не только напрямую (через навязываемый процесс конституционного реформирования), но и косвенно.

Несмотря на существование объективных противоречий в политической повестке БиГ, в том числе по вопросам внешней по-

литики, переговоры с ЕС продолжались в течение всего «постдействийского» периода [Кондратьев, Нелаева, 2015]: в мае 1999 г. был запущен процесс стабилизации и ассоциации, в 2000 г. – обнародована «Дорожная карта ЕС», в декабре 2000 г. ЕС принял распоряжение 2666 / 2000 об оказании помощи ряду постюгославских государств, в том числе Боснии и Герцеговине, а в ноябре 2005 г. официально стартовали переговоры касательно Соглашения по стабилизации и ассоциации, подписание которого состоялось в 2008 г. БиГ подала заявку на членство в ЕС в 2016 г. (необходимо отметить, что решение подать заявку принималось без учета мнения РС [Пивоваренко, 2016]). В 2019 г. Еврокомиссия, действуя в контексте данной заявки, сформулировала так называемые «14 приоритетов» для БиГ, часть из которых шла вразрез с положениями Действийских соглашений о полномочиях энтиитетов [Ответы официального …, 2021]. Статус кандидата в ЕС БиГ получила в 2022 г.

Параллельно происходила постепенная интеграция БиГ в НАТО: уже в 1996 г. США профинансировали программу «Обучи и оснасти» для Федерации БиГ, основным условием реализации которой являлось принятие Закона об обороне мусульмано-хорватского энтиитета¹. В соответствии с этим законом, хорватские и мусульманские части объединялись, образуя ВС ФБиГ (по сути же, за счет этой программы США довооружали боснийских хорватов и мусульман при одновременном разоружении сил РС). В 2006 г. БиГ присоединилась к программе «Партнерство ради мира», в 2008 г. был подписан план индивидуальных партнерских действий, в 2009 г. БиГ подала заявку на предоставление Плана действий по членству (ПДЧ) в НАТО, а в 2010 г. получила его, официально став кандидатом на вступление в Альянс [Романенко, 2022, с. 59–60]. Однако сербская сторона, формально поддержавшая заявку на предоставление ПДЧ, в дальнейшем стала саботировать процесс, отказываясь выполнять требование передать недвижимое военное имущество РС в распоряжение МО БиГ [Rose, 2019]. Впоследствии, когда НАТО предложила БиГ перейти к реализации ПДЧ без предварительных условий, руководство РС заблокировало данный процесс, приняв «Резолюцию о защите конституцион-

---

¹ АрВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 175. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 07.07.1996 г.).

ного строя и провозглашении военного нейтралитета Республики Сербской», в которой также оговаривалась необходимость согласования вопроса о вступлении БиГ в НАТО с Сербией как стороной – подписантам Дейтонского соглашения [Milojević, 2017].

Таким образом, «западный вектор» внешней политики БиГ никогда не был единым для ее трех «государствообразующих народов», даже в условиях постепенного движения страны в русле евро-атлантической интеграции. Динамика этого процесса, с одной стороны, зависела от возможностей АВП навязывать БиГ определенные реформы, с другой – от возможностей РС проводить свою линию, опираясь на Сербию и крупных внерегиональных игроков, прежде всего на Россию. В этом смысле весьма показательно, что пик эффективности АВП пришелся на середину 2000-х годов. В дальнейшем, несмотря на продление работы АВП в 2008 г. (под предлогом необходимости реализации «Программы 5+2» [Agenda … , 2008]), эффективность данной структуры постепенно снижалась по мере изменения характера взаимоотношений России и БиГ и российской политики на Балканах в целом.

Россия во внешней политике БиГ

Со времени заключения Дейтонских соглашений взаимодействие БиГ и России во многом зависело как от внутриполитической ситуации в БиГ, так и от эволюции подходов РФ к проведению внешней политики.

В конце 1990-х годов Россия, сама переживавшая последствия политической трансформации постсоветского пространства, в экономическом плане являлась для БиГ поставщиком энергоресурсов, в политическом – одним из государств – гарантов Дейтонских соглашений, подходившим к боснийской проблематике в целом с тех же позиций, что и другие государства – члены Руководящего комитета СВМС. Разница заключалась лишь в том, что российская сторона, последовательно придерживавшаяся Дейтонских соглашений, готова была учитывать интересы РС, в то время как остальные государства-гаранты рассматривали само существование РС как дополнительную проблему. В этот период Россия, находившаяся в зависимости от финансовой помощи западных кредиторов, в целом выстраивала согласованную внешнюю политику с США и ЕС. Однако Москва выступила против бомбардировок СРЮ в 1999 г.,

осуществлявшихся Североатлантическим альянсом без санкции Совбеза ООН.

С приходом новой президентской администрации российская внешняя политика в регионе начала приобретать более автономный характер, однако на тот момент руководство РФ не оспаривало позиции США и ЕС на Балканах, в том числе в БиГ. В 2000-е годы были подписаны и ратифицированы почти все ныне действующие межгосударственные соглашения между БиГ и РФ, касающиеся преимущественно экономических вопросов [Bilateralni odnosi ... , 2024], началось активное проникновение российского капитала в регион (например, ряд активов в РС приобрела компания «Зарубежнефть» [Дербилова, 2007]).

В 2006 г. Газпром и итальянская нефтегазовая компания ENI подписали соглашение о прямых поставках газа из России в Италию, и в 2007 г. была достигнута договоренность о строительстве «Южного потока» [«Южный поток» ... , 2016]. США сочли, что данный проект имеет геополитическое значение, и восприняли это как вызов [Арляпова, Пономарева, Пророкович, 2022, с. 217]. Рост напряженности в международных отношениях нашел свое отражение в Мюнхенской речи Президента РФ В.В. Путина 2007 г., отношения России с США и ЕС начали ухудшаться, одновременно усиливалось давление по вопросу евро-атлантической интеграции на страны Балканского региона, в том числе и на БиГ. В связи с этим достаточно вспомнить продление мандата АВП до выполнения ряда условий, представленных в «Программе 5+2» (т.е. на неопределенный срок) и заявку БиГ на предоставление ПДЧ. Россия, понапачалу рассчитывавшая на нормализацию отношений с США и ЕС в рамках политики «перезагрузки» 2009 г., не препятствовала действиям Вашингтона и Брюсселя в регионе.

Начало конфликта на юго-востоке Украины в 2014 г., остановка строительства газопровода «Южный поток» (для чего Еврокомиссия оказала давление на Болгарию, вступившую в ЕС в 2007 г.) свидетельствовали о постепенном переходе отношений РФ с США и ЕС в конфронтационную плоскость, что имело особое значение для БиГ. Консолидированная позиция в Руководящем комитете СВМС уходила в прошлое. Нежелание Вашингтона и Брюсселя учитывать позицию Москвы по вопросам архитектуры европейской безопасности лишило руководство РФ каких бы то ни было

стимулов содействовать региональной политике США и ЕС на Балканах, проводившейся без учета интересов российского бизнеса и в целом постепенно приобретавшей антироссийский характер.

В этих условиях БиГ оказалась не в состоянии выстроить взаимоотношения с РФ: в Президиуме страны отсутствовал консенсус по данному вопросу. Евро-атлантическая интеграция, которую поддерживают бошняцкая и хорватская общины, препятствует развитию полноценного сотрудничества с Россией, к которому тяготеют боснийские сербы. При этом постепенный отход России от поддержки АВП к признанию необходимости полной ликвидации данной структуры вполне укладывается в логику последовательного выполнения Дейтонских соглашений, одним из государств-гарантов которых является РФ. В свое время позиция Москвы относительно функционирования АВП не только в полной мере отвечала интересам сербской общины, но и отражала негативное отношение российской стороны к решению «сербского вопроса» в русле политической линии Брюсселя и Вашингтона, которое могло привести к полной утрате позиций РФ на Балканах.

Таким образом, в настоящее время корректно говорить не столько о сотрудничестве БиГ с Россией, сколько о сотрудничестве по линии РС – РФ. По сути, сложилась несколько парадоксальная ситуация, в рамках которой с Россией сотрудничает не международно признанное государство, а его энтитет, но это сотрудничество едва ли возможно оформить юридически, так как подобные соглашения должны проходить процедуру одобрения Скупщиной (парламентом) БиГ.

С 2014 г. НАТО вынуждала своих балканских членов и кандидатов на вступление в Альянс следовать антироссийскому внешнеполитическому курсу «коллективного Запада» [Арлярова, Пономарева, Пророкович, 2022, с. 217], и БиГ не стала исключением. Однако для Боснии и Герцеговины, даже после начала российской СВО на Украине, реализация санкционной политики в отношении Москвы весьма затруднительна из-за позиции Республики Сербской, отстаивающей идею нейтралитета БиГ. В свою очередь, в 2015 г. по просьбе сербской стороны Москва заблокировала проект резолюции Совбеза ООН, признававшей геноцидом убийство 8 тыс. мусульман в Сребренице в 1995 г. [Россия наложила вето … , 2015].

Отдельного внимания заслуживает позиция России в вопросе назначения нового Высокого представителя по БиГ в 2021 г.: российская сторона не признала назначение на этот пост К. Шмидта без соответствующей резолюции Совбеза ООН, что лишило институт АВП легитимности (подробнее см.: [Ерёмин, 2022]) и, соответственно, значительно укрепило позиции РС в противостоянии с США и ЕС.

В целом следует подчеркнуть, что Россия и Республика Сербская последовательно стремились развивать и углублять дипломатические отношения, в том числе и после начала СВО, т.е. в условиях, когда США и ЕС пытаются изолировать и маргинализировать Россию. Показательно, что между РФ и РС сохраняется тот же уровень контактов на высшем уровне, который имел место и ранее: министр иностранных дел РФ С.В. Лавров посещал БиГ с рабочими визитами в сентябре 2018 и декабре 2020 гг. При этом в 2020 г. боснийский и хорватский члены Президиума БиГ проигнорировали встречу с российским министром (таким образом, эта встреча была проведена де-факто не на общегосударственном уровне), и переговоры провел только сербский член Президиума – М. Додик [Sito-Sucic, 2020]. Кроме того, М. Додик регулярно посещал Россию с официальными визитами (в общей сложности более 20 визитов [Ambasador Rusije u BiH … , 2023]). Один из наиболее значимых визитов состоялся в мае 2023 г.: в ходе переговоров с Президентом России В.В. Путиным, касавшихся самого широкого круга вопросов, М. Додик вновь подчеркнул, что антироссийские санкции со стороны БиГ введены не будут [Maksimović, 2023].

Тем не менее можно отметить, что формально БиГ присоединилась к европейским антироссийским санкциям через миссию БиГ в ЕС, опираясь на свою «Стратегию внешней политики» и Соглашение о стабилизации и ассоциации, однако решение о практической реализации санкций, которое должен утвердить Совет министров БиГ, не было принято из-за позиции должностных лиц от РС [Zvijerac, 2022]. Кроме того, в 2022 г. БиГ проголосовала за ряд антироссийских резолюций на ГА ООН: в частности, она поддержала резолюцию о приостановке участия России в Совете по правам человека ООН [UN GA suspends … , 2022]. Однако необходимо подчеркнуть, что за данные резолюции голосовал Постпред БиГ при ООН С. Алкалай без согласия Президиума [Dodik : neprihvatljivo … ,

2022]: таким образом, данное голосование не было легитимным, однако его голос все равно был учтен.

По сути, в ситуации отсутствия компромисса относительно выстраивания внешней политики бошняцкая сторона вернулась к существовавшей прежде практике¹ – использованию голосов своих представителей на международных площадках от имени всего государства даже при отсутствии межбюджетного консенсуса. Тем не менее руководство РС по-прежнему настойчиво проводит собственную политическую линию как в вопросе сохранения Дейтонской архитектуры, так и в вопросе поддержания связей с РФ. На фоне формального закрепления курса на евроинтеграцию в доктринальных документах БиГ, руководство РС продолжает последовательно отстаивать автономию энтитета: в частности, М. Додик, воспользовавшись снижением популярности идеи евроинтеграции в сербском обществе, запросил у ЕС финансовую помощь в размере 20 млрд евро для приведения законов, стандартов и институтов власти страны в соответствие с требованиями ЕС при условии соблюдения конституции и Дейтонских соглашений [Мисник, 2023].

В целом взаимодействие Боснии и Герцеговины с РФ показывает, что подход РФ к ситуации в БиГ, подразумевающий последовательное выполнение Дейтонских соглашений, неоднозначно воспринимается национальными общинами страны. Сербское население не только БиГ, но и всего постюгославского пространства полагает, что Россия способна обеспечить более справедливое решение «сербского вопроса», чем Вашингтон и Брюссель. В этом смысле показательно снижение популярности идеи евроинтеграции в РС [Ulazak BiH и EU ... , 2023]. Для бошняцких элит позиция Москвы – объективное препятствие для реализации их основного внутриполитического устремления – построения унитарной БиГ, интегрированной в евро-атлантические структуры (бошняцкая община воспринимает членство в ЕС как инструмент экономического развития, а членство в НАТО – как гарантию безопасности и внутриполитической стабильности). Хорватская община БиГ (в значительной степени ориентированная на Хорватию), как и бошняцкая, приветствует интеграцию страны в евро-атлантические

¹ АрВП РФ. Ф. 933. ОП. 2. Д. 4. П. 2. Л. 174. (Представительство Российской Федерации в Боснии и Герцеговине. Обзоры прессы. 19.11.1997 г.).

структуры, однако единство внешнеполитических целей еще не говорит о существовании устойчивого хорвато-мусульманского консенсуса по их достижению: хорватская община не готова отказаться от конституционных положений, защищающих ее автономию в Федерации БиГ и в БиГ в целом. Поэтому внешняя политика Москвы в Балканском регионе если и отвечает хорватским интересам, то лишь на тактическом, а не на стратегическом уровне.

Таким образом, во внешней политике БиГ как по отношению к РФ, так и по отношению к ЕС, США и НАТО отсутствует межобщинный консенсус, а к плодотворному сотрудничеству с Москвой больше всех предрасположена Баня-Лука. При этом основная проблема политики Москвы – как в БиГ, так и в Балканском регионе в целом, – отсутствие у РФ целостной стратегии модернизации региона на условиях, отличных от требований Евросоюза.

***

Внешняя политика БиГ не является целостной, что обусловлено совокупностью взаимосвязанных причин. Дейтонские соглашения – фундамент современной боснийско-герцеговинской государственности – обеспечивают достаточно хрупкий баланс интересов ее конституционных народов. Сложная государственная система БиГ – результат компромисса, обеспечившего совместное проживание народов, стремившихся к обособлению. Именно поэтому органы государственной власти, отвечающие за формирование внешней политики, организованные в соответствии с принципом национального представительства, не способны сформировать единый подход к различным проблемам международных отношений. Наличие в БиГ формальных доктринальных документов не должно вводить в заблуждение: их принятие было обусловлено специфическими внутриполитическими обстоятельствами.

Таким образом, внешняя политика «дейтонской» БиГ имеет амбивалентный характер: по многим принципиальным вопросам интересы национальных общин не совпадают (условия членства в ЕС, членство в НАТО, отношения с РФ, санкционная политика), и достижение компромисса по формированию единой внешнеполитической линии маловероятно не только в краткосрочной, но и среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. (2022). Возможности НАТО в глобальном управлении : место действия – Балканы // Вестник международных организаций / НИУ ВШЭ. – Москва. – Т. 17, № 2. – С. 208–223 [Arlyapova E.S., Ponomareva E.G., Prorokovich D. (2022). NATO's capabilities in global governance : on the Balkan scene [«Vozmozhnosti NATO v global'nom upravlenii : mesto deistviya – Balkany】 // Bulletin of international organizations / National research univ. «Higher School of Economics». – Moscow. – Vol. 17, Issue 2. – P. 208–223] (In Russian).
- Дербилова Е. (2007). «Зарубежнефть» идет на Балканы // Ведомости. – Москва. – 25.01. – URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/01/25/zarubezhneft-idet-na-balkany> (дата обращения: 22.03.2024) [Derbilova E. (2007). «Zarubezhneft» goes to the Balkans [«Zarubezhneft» idet na Balkany] // Vedomosti. – Moscow. – 25.01. – URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/01/25/zarubezhneft-idet-na-balkany> (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).
- Ерёмин Д.П. (2021). Хорватский вопрос и эволюция политической системы Боснии и Герцеговины в период стабилизации (1995–2004 гг.) // Славянский альманах / РАН, ИСЛ. – Москва. – № 1–2. – С. 174–206 [Eremin D.P. (2021). The Croatian issue and the evolution of the political system in Bosnia and Herzegovina during the stabilization period (1995–2004) [Khorvatskii vopros i evolyutsiya politicheskoi sistemy Bosnii i Gertsegoviny v period stabilizatsii (1995–2004 gg.)] // Slavic almanac / RAS, Institute for Slavic Studies. – Moscow. – N 1–2. – P. 174–206] (In Russian).
- Ерёмин Д.П. (2022). Институт Высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 3 (110). – С. 199–209 [Eremin D.P. (2022). The High Representative Institution as a challenge to the development of modern Bosnia and Herzegovina [Institut Vysokogo predstaviteleya kak vyzov razvitiyu sovremennoi Bosnii i Gertsegoviny] // Contemporary Europe / RAS, IE. – Moscow. – N 3 (110). – P. 199–209] (In Russian).
- Кондратьев С.В., Нелаева Г.А. (2015). Особенности взаимодействия Европейского союза и Боснии и Герцеговины // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 5 (65). – С. 28–35 [Kondra'ev S.V., Nelaeva G.A. (2015). The EU–Bosnia relations in the context of the EU enlargement to the Balkans [Osobennosti vzaimodeistviya Evropeiskogo soyuza i Bosnii i Gertsegoviny] // Contemporary Europe / RAS, IE. – Moscow. – N 5 (65). – P. 28–35] (In Russian).
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. (2021). Разделение власти и формирование национального сообщества : осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 127–153 [Kudryashova I.V., Meleshkina E.Yu. (2021). Power-sharing and national community formation : understanding Bosnia's experience [Razdelenie vlasti i formirovanie natsional'nogo soobshchestva : osmyslenie bosniiskogo opyta] // Current problems of Europe / INION RAN. – Moscow. – N 2. – P. 127–153] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2021.02.06.
- Мартынова М.Ю. (1998). Балканский кризис : народы и политика. – Москва : Старый сад. – 466 с. [Martynova M.Yu. (1998). Balkan crisis : peoples and politics [Balkanskii krizis : narody i politika]. – Moscow : Staryi sad. – 466 p.] (In Russian).

Мисник Л. (2023). Баланс между Россией и ЕС : как Додик управляет Республикой Сербской // ТАСС. – Москва. – 23.05. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17814093> (дата обращения: 22.03.2024) [Misnik L. (2023). The balance between Russia and the EU : how Dodik governs the Republika Srpska [Balans mezhdu Rossiei i ES : kak Dodik upravlyayet Respublikoi Serbskoii] // TASS. – Moscow. – 23.05. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17814093> (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).

Ответы официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопросы газеты «Файненшл Таймс» по Боснии и Герцеговине. (2021) / МИД РФ. – Москва. – 29.09. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ba/1776806/> (дата обращения: 22.03.2024) [Foreign Ministry spokeswoman Maria Zakharova's answers to questions from the Financial Times on Bosnia and Herzegovina [Otvety ofitsial'nogo predstaviteleya MID Rossii M.V. Zakharovoi na voprosy gazety «Fainenshl Taims» po Bosnii i Gertsegovine]. (2021) / The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow. – 29.09. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ba/1776806/> (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).

Пивоваренко А.А. (2016). О заявке на вступление в ЕС Боснии и Герцеговины // РСМД. – Москва. – 19.02. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-zayavke-na-vstuplenie-v-es-bosnii-i-gertsegoviny/?phrase_id=130594819 (дата обращения: 22.03.2024) [Pivovarenko A.A. (2016). Bosnia and Herzegovina's application to become a member of the EU [O zayavke na vstuplenie v ES Bosnii i Gertsegoviny] // RIAC. – Moscow. – 19.02. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-zayavke-na-vstuplenie-v-es-bosnii-i-gertsegoviny/?phrase_id=130594819 (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).

Пономарева Е.Г. (2011). Босния и Герцеговина : государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – № 1(16). – С. 64–76 [Ponomareva E.G. (2011). Bosnia and Herzegovina : state without statehood [Bosniya i Gertsegovina : gosudarstvo bez gosudarstvennosti] // MGIMO Bulletin / MGIMO (U). – Moscow. – N 1(16). – P. 64–76] (In Russian).

Романенко С.А. (2022). Доктринальные документы внешней политики государств постюгославского пространства 2014–2021 гг. // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 50–67 [Romanenko S.A. (2022). Doctrinal foreign policy documents of the post-Yugoslav states 2014–2021 [Doktrinal'nye dokumenty vneshej politiki gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva 2014–2021 gg.] // Current problems of Europe / INION RAN. – Moscow. – N 2. – P. 50–67] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.02.03.

Россия наложила вето в Совбезе ООН на резолюцию о геноциде в Сребренице. (2015) // РБК. – Москва. – 08.07. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2015/559d42039a7947eb38823e2c> (дата обращения: 22.03.2024) [Russia vetoed UN Security Council resolution related to Srebrenica genocide [Rossiya nalozhila veto v Sovbez OON na rezolyutsiyu o genotside v Srebrenitsye]. (2015) // RBK. – Moscow. – 08.07. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2015/559d42039a7947eb38823e2c> (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).

Энгельгардт Г.Н. (2015). Республика Сербская в Боснии и Герцеговине : возникновение и эволюция (1990–2006 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук / РАН, ИСЛ. – Москва. – 334 с. [Engel'gardt G.N. (2015). Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina : formation and evolution (1990–2006) : PhD thesis [*Republika Serbskaya v Bosnii i Gertsegovine : vozniknenie i evolyutsiya (1990–2006 gg.) : diss. ... kand. ist. nauk*] / RAS, Institute for Slavic Studies. – Moscow. – 334 p.] (In Russian).

Энтина Е.Г. (2016). Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / РАН, ИЕ. – Москва. – 130 с. [Entina E.G. (2016). European integration of the Western Balkans : international background [*Mezhdunarodnyi kontekst evrointegratsii Zapadnykh Balkan*] / RAS, IE. – Moscow. – 130 p.] (In Russian).

«Южный поток» : история проекта. (2016) // ТАСС. – Москва. – 11.01. – URL: <https://tass.ru/info/2577488> (дата обращения: 22.03.2024) [«South Stream» : project history [«*Yuzhnyi potok* : istoriya proekta】. (2016) // TASS. – Moscow – 11.01. – URL: <https://tass.ru/info/2577488> (date of access: 22.03.2024)] (In Russian).

Agenda 5+2. (2008) / Office of the High representative (OHR). – Sarajevo. – URL: <http://www.ohr.int/agenda-52/> (date of access: 22.03.2024).

Ambasador Rusije u BiH : Dodik poslednjih godina posetio Moskvu više od 20 puta. (2023) // Danas. – Beograd. – 30.12. – URL: <https://www.danas.rs/svet/region/ambasador-rusije-u-bih-dodik-poslednjih-godina-posetio-moskvu-vise-od-20-puta/> (date of access: 22.03.2024).

Bilateralni odnosi : Rusija. (2024) / Ministarstvo vanjskih poslova BiH. – Sarajevo. – URL: https://www.mvp.gov.ba/vanjska_politika_bih/bilateralni_odnosi/medunarodni_ugovori/prema_drzavama/Default.aspx?template_id=16&s1=1200&id=7755/ (date of access: 22.03.2024).

Bosnia and Herzegovina's foreign policy since independence. (2019) / Hasić J., Karabegović Dž. (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – 262 p.

Dodik : vojna neutralnost najbolja opcija za sve u BiH. (2019) // Радио-телевизија Войводини. – Novi Sad. – 12.07. – URL: https://rtv.rs/rsn/region/dodik-vojna-neutralnost-najbolja-opcija-za-sve-u-bih_1032514.html (date of access: 22.03.2024).

Dodik : neprihvatljivo da bez stava Predsjedništva bilo ko glasa u Skupštini UN. (2022) // PTPC. – Beograd. – 07.04. – URL: <https://lat.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=469414> (date of access: 22.03.2024).

Durić D. (2022). Mladen Ivanić 2019. : «Nemam ništa protiv BiH, ali Republika Srpska mi je draža» // Nacional. – Zagreb. – 26.09. – URL: <https://www.nacional.hr/mladen-ivanic-2019-nemam-nista-protiv-bih-ali-republika-srpska-mi-je-draza-2/> (date of access: 22.03.2024).

General framework agreement for peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton agreement). (1995) / UN. – Dayton, OH. – 21.11. – URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95> (date of access: 22.03.2024).

Maksimović D. (2023). Dodik kod Putina u Moskvi : prst u oko Zapadu // Deutsche Welle. – Bonn. – 24.05. – URL: <https://web.archive.org/web/20230705235732/https://www.dw.com/sr/dodik-kod-putina-u-moskvi-prst-u-oko-zapadu/a-65716196> (date of access: 22.03.2024).

Medunjanin E. (2014). Ni oko jedne ozbiljnije međunarodne krize BiH nema jedinstven stav // Večernji list. – Sarajevo. – 28.07. – URL: <https://www.vecernji.ba/vijesti/ni-oko-jedne-ozbiljnije-medunarodne-krize-bih-nema-jedinstven-stav-952732> (date of access: 22.03.2024).

Milojević M. (2017). Usvojena Rezolucija o vojnoj neutralnosti RS // Radijo Slobodna Evropa. – Sarajevo. – 17.10. – URL: <https://web.archive.org/web/20171031164626/https://www.slobodnaevropa.org/a/dodik-vojska-/28799397.html> (date of access: 22.03.2024).

Osnovni pravci vanjske politike BiH : opći pravci i prioriteti za provođenje vanjske politike Bosne i Hercegovine. (2003) / Predsjedništvo Bosne i Hercegovine. – Sarajevo. – 26.03. – URL: https://www.mvp.gov.ba/vanjska_politika_bih/osnovni_pravci_vanjske_politike_bih/?id=2 (date of access: 22.03.2024).

Public opinion poll : Bosnia and Herzegovina. (2019) / National democratic institute. – Washington, D.C. – 35 p. – URL: <https://web.archive.org/web/20191201163324/https://www.ndi.org/sites/default/files/BiH%20202019%20Poll.pdf> (date of access: 22.03.2024).

Rose J. (2019). Može li Dodik zaustaviti put BiH u NATO? // Deutsche Welle. – Bonn. – 24.05. – URL: <https://web.archive.org/web/20190524144224/https://www.dw.com/bs/može-li-dodik-zaustaviti-put-bih-u-nato/a-48860570> (date of access: 22.03.2024).

Sahadžić M. (2011). Vanjska politika i međunarodni odnosi Bosne i Hercegovine // Država, politika i društvo u Bosni i Hercegovini : analiza postdjeljonskog političkog sistema / Banović D., Gavrić S. (Eds.). – Sarajevo. – S. 572–590.

Sito-Sucic D. (2020). Bosnian presidency members snub Russia's «disrespectful» Lavrov // Reuters. – Sarajevo. – 15.12. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-bosnia-russia-presidency/bosnian-presidency-members-snub-russias-disrespectful-lavrov-idUSKBN28P13J> (date of access: 22.03.2024).

Strategija vanjske politike Bosne i Hercegovine 2018. – 2023. (2018) / Predsjedništvo Bosne i Hercegovine. – Sarajevo. – 12 s. – URL: <https://istinomjer.ba/app/uploads/2022/03/strategija-b-27-03-2018.pdf> (date of access: 22.03.2024).

Ulazak BiH u EU podržava tek 18 odsto ispitanih građana u Srbkoj. (2023) // PTPC. – Beograd. – 03.11. – URL: <https://lat.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=532637> (date of access: 22.03.2024).

UN GA suspends Russia from Human Rights Council, Bosnia votes in favour. (2022) // N1 BiH. – Sarajevo. – 07.04. – URL: <https://n1info.ba/english/news/un-ga-suspends-russia-from-human-rights-council-bosnia-votes-in-favour/> (date of access: 22.03.2024).

Zvijerac P. (2022). BiH i sankcije Rusiji : usvojene, ali nerealizovane // Radijo Slobodna Evropa. – Sarajevo. – 03.06. – URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/bosna-hercegovina-sankcije-rusiji/31881903.html> (date of access: 22.03.2024).

© Eremin D.P.¹

Euro-Atlantic integration and the issue of bilateral relations with the Russian Federation in the foreign policy of Bosnia and Herzegovina

Abstract. The article examines the foreign policy of Bosnia and Herzegovina (BiH) from the signing of the Dayton Accords (1995) to the present. From the author's point of view, the complex state system created by the Dayton Accords ensured the territorial integrity of post-war BiH in the absence of interethnic consensus. Particular emphasis in the research has been placed on the problem of the country's Euro-Atlantic integration and the dynamics of the development of BiH's bilateral relations with Russia. The international community, represented by the Steering Board of the Peace Implementation Council (PIC), proceeded from the concept of «institutional peacebuilding», i.e. expected that national contradictions could be overcome through creation of functional state institutions. These expectations were not justified, and the actions of the Office of the High Representative (OHR) did not contribute to national reconciliation but rather aggravated national contradictions, and over time became incompatible with the interests of the peoples of BiH. The process of state reform initiated by the OHR did not take into account the interests of national communities equally, since the OHR directed the development of state-building towards the formation of a unitary political system. Under these circumstances, the collective Presidium, empowered to determine the country's foreign policy, was unable to formulate an unambiguous position on any significant foreign policy issue, including such issues as the conditions of the country's membership in the EU, joining NATO, and building relations with Russia. This is explained by the desire of the main political forces of Bosnian Muslims to achieve the centralization of BiH with its simultaneous Euro-Atlantic integration, whereas for the Croatian community it is fundamentally important to defend its position as the constituent people of BiH, and for the Bosnian Serbs, at least, to preserve the powers of the Republika Srpska. For the Serbs of the Balkan region, the

---

¹ Eremin Denis Pavlovich – Junior Researcher, Black Sea and Mediterranean Studies Department, IE RAS; eremindp1994@gmail.com

solution of the «Serbian issue» proposed by Washington and Brussels is not acceptable, and this fact led to the clashes between the Serbian political forces of BiH and the Bosniak parties on the issue of changing the Dayton status-quo. Under these conditions, there was a gradual development of close ties between Republika Srpska and Russia as the guarantor state of the Dayton Accords. The research has been conducted using materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation. The methodological basis of the work is the problem-chronological method observing the principle of historicism.

Keywords: *Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, foreign policy, European integration, Russia, EU, NATO.*

Статья поступила в редакцию (Received) 06.02.2024

Доработана после рецензирования (Revised) 24.02.2024

Принята к публикации (Accepted) 19.03.2024